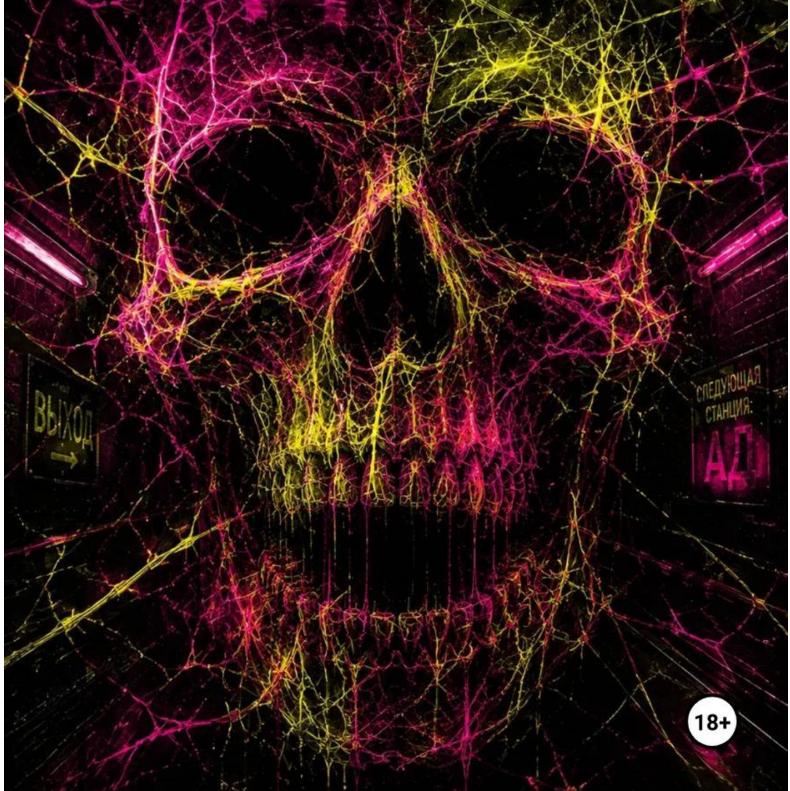

СЕРГЕЙ ЕФРЕМОВ

БОД-ТРИМ

18+

Сергей Ефремов

Бэд-Трип

<https://litres.ru/74408899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник, от которого невозможно оторваться — потому что каждая страница всасывает тебя глубже, чем реальность, которую ты считал своей. Добро пожаловать в мир, где:

— Петля времени застревает на 4:44, и каждый цикл отнимает у тебя по кусочку личности.

— Гипнотерапевт исчезает вместе с пациентом, оставляя после себя только аудиозапись, которую нельзя слушать в одиночку.

— Наркотический трип длится не часы, а целую жизнь, превращая внутренних демонов в каннибалов, которые едят тебя заживо.

— Почечная империя строит космодромы из твоего тестостерона, а разумный пылесос требует уважения и визы в Тибет.

— Станции метро становятся живыми организмами, а пассажиры — акварельными пятнами без лиц, которые смотрят на тебя спинами.

Это не просто рассказы. Это доза реальности, которая ломает привычную оптику. Это квест на выживание в собственной голове. Это крик, который тонет в вате безумия.

Содержание

«Петля.Сорок семь шагов назад»	4
Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	19
Глава 4.	27
Глава 5.	35
«Десять слушателей»	41
Глава 1.	41
Глава 2.	51
Глава 3.	61
Глава 4.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сергей Ефремов

Бэд-Трип

«Петля.Сорок семь шагов назад»

Глава 1.

Я открываю глаза, но веки не слушаются. Они тяжёлые, как свинцовые пластины, налитые ртутью. Каждое моргание — это усилие, будто я поднимаю штангу веками. Потолок надо мной — белый, с одной длинной трещиной, идущей от люстры к углу. Я смотрю на неё, и мне кажется, что она дышит. Она расширяется, когда я вдыхаю, и сужается, когда я выдыхаю. Я проверяю: делаю глубокий вдох — трещина ползёт вправо, разветвляется, как молния. Задерживаю дыхание — она замирает. Значит, это не галлюцинация. Или галлюцинация подчиняется моему дыханию — что ещё хуже.

Я хочу повернуть голову, чтобы посмотреть на будильник, но шея одеревенела. Позвонки скрипят, как несмазанные петли. Я слышу этот скрип не ушами, а черепом — он резонирует внутри, отдаётся в зубах. И тогда я понимаю: я не один.

Запах. Сначала слабый, едва уловимый, но он просачива-

ется сквозь заложенный нос. Запах мокрой шерсти и старого железа. Таким пахнет подвал после потопа, таким пахнет клетка, в которой долго держали животное. Но у меня нет животных. Я живу один. Я всегда жил один. Запах исходит из угла комнаты — там, где стоит кресло. Я не вижу кресла из-за угла обзора, но я знаю, что оно там. И кто-то сидит в этом кресле. Сидит у меня в ногах, прямо за изгибом матраса. Я чувствую тяжесть взгляда на своей пояснице. Он давит, как горячая ладонь.

Я заставляю себя моргнуть — раз, второй. В темноте между морганиями я вижу силуэт. Он не чёткий, расплывчатый, как пятно на старом фото. Но он шевелится. Медленно, едва заметно — переминается с ноги на ногу. Я слышу шорох ткани. Ткань грубая, брезентовая. Никто из моих знакомых не носит брезент.

— Кто здесь? — пытаюсь сказать я. Из горла вырывается не голос, а скрежет — будто там, в трахее, кто-то водит наждачной бумагой. Слова рассыпаются в пыль ещё до того, как достигают губ. Я чувствую песок на языке. Сухость такая, что язык прилипает к нёбу.

Я закрываю глаза и открываю снова. Телевизор напротив кровати выключен, но экран не чёрный — он серый, как пепел. В этом сером фоне проступает лицо. Моё лицо. Но оно улыбается. Я не улыбаюсь. Я сейчас вообще не способен улыбаться — мышцы лица свело судорогой. Значит, это не я. Или это я, но из другого времени, когда ещё мог улыбаться.

Отражение подмигивает мне, и на экране появляются белые буквы, словно субтитры: «Ты уже здесь».

Я пытаюсь сесть. Подушка прилипает к затылку, волосы слиплись от пота. Пот холодный, липкий, как сироп. Я сажусь, и мир качнулся. Стены пошли волнами, как занавески на ветру. Но ветра нет — окно закрыто, шторы не шевелятся. Я смотрю на часы на тумбочке. Электронные, красные цифры. 4:44. Я моргаю. Снова 4:44. Отвожу взгляд на секунду, смотрю на телефон — там тоже 4:44. Время застряло. Или это я застрял между ударами сердца. Я прижимаю пальцы к запястью — пульс есть, но он нерегулярный: два удара, пауза, три удара, пауза. Он словно выстукивает код.

Стук. Я слышу его не из груди — из стены. Глухой, ритмичный: тук-тук-тук. Кто-то стучит с той стороны, из соседней квартиры. Но я знаю, что соседняя квартира пустует уже полгода — после того, как старуха умерла, там никто не живёт. Я стучу в ответ. Три раза. Пауза. Мне отвечают четырьмя. Я стучу дважды — отвечают пятью. Каждый раз на один больше. Они имитируют меня. Они учатся. Скоро они застучат сами, и тогда я не смогу отличить, где мои удары, а где их. Я сжимаю кулак и бью по стене со всей силы — костяшки хрустят, на обоях остаётся вмятина. Тишина. Я жду. Ничего. Тогда я шепчу в стену:

— Чего вы хотите?

И стена отвечает. Не звуком, а вибрацией — я чувствую её ладонью. Она пульсирует, как живая мембрана. И тогда

я понимаю, что стена — это не стена. Это перепонка. А я нахожусь внутри какого-то огромного существа.

Я встаю. Пол под ногами странный — он не твёрдый, а упругий, как резина. Каждый шаг пружинит, и я слышу хлюпанье, будто иду по мокрому ковру. Я добираюсь до двери. Ручка горячая — обжигает ладонь. Я отдёргиваю руку, и на коже остаётся красный след. За дверью смеются. Смеются дети — звонко, заливисто. Но у детей не может быть такого низкого, хриплого смеха, словно его пропускают через динамик на низких частотах. Я прижимаюсь ухом к двери. Смех стихает, и голос — тот же детский, но взрослый — говорит: — Выйди. Там свежий воздух.

Я смотрю в глазок. В глазке — темнота. Абсолютная, плотная, как чернила. Но в этой темноте я вижу движение: кто-то прошёл мимо, заслонив свет. Я отшатываюсь. Плечо врежется в косяк, и я чувствую боль — острую, настоящую. Боль — это хорошо. Значит, я ещё жив. Или боль — это тоже часть иллюзии?

Я поворачиваюсь и вижу, что лампа на столе горит красным. Я точно помню, что выключил её перед сном. Выключатель в положении «Выкл». Но она горит. Красный свет заливает комнату, делая её похожей на проявочную в фотолaborатории. Мои руки в этом свете кажутся чужими — слишком бледными, почти синими. Я смотрю на них и замечаю, что у меня нет пульса на левой руке. Вообще нет. Я щипаю кожу — она не розовеет. Она остаётся белой. Я не чувствую

боли. Но секунду назад я чувствовал боль от удара о косяк. Время и тело распадаются на куски.

Я бегу в ванную. Вода в кране течёт, но она не холодная и не горячая — она комнатной температуры, какая-то мёртвая. Я умываюсь. Поднимаю голову к зеркалу. Зеркало показывает мою спину. Хотя я стою лицом к нему. На моей спине, между лопаток, открывается глаз. Он вращается, фокусируется, моргает. Я чувствую, как он моргает — это ощущение на коже, будто кто-то касается веком моего позвоночника. Я кричу — на этот раз звук выходит, но это не мой голос. Это женский крик. Он вылетает из моего рта, а я мужчина.

Я падаю на колени. Пол в ванной — кафель, но он тёплый, как живое тело. И он дышит. Поднимается и опускается в такт с моим дыханием. Я зажмуриваюсь, сжимаю голову руками и считаю до трёх.

Раз.

Два.

Три.

Открываю глаза. Я сижу в машине. За рулём. Мои руки на руле, пальцы сжимают кожаную оплётку. За окном — ночное шоссе, пустое, без единой машины. Фары выхватывают из темноты только полосу разметки, которая уходит в бесконечность. Я не помню, как сюда попал. Я не помню, как выходил из квартиры. Я в пижаме, и на ногах — домашние тапки. Но я за рулём. Скорость — 90 километров в час. Я нажимаю на тормоз — педаль проваливается в пол, как в грязь.

Машина не замедляется.

Я смотрю в зеркало заднего вида. Там, далеко позади, я вижу фары. Большие, грузовиковые. Фура. Она приближается. Но она не обгоняет, не сигналиит — просто держит дистанцию. Я вглядываюсь в кабину. Там нет водителя. Руль пуст, сиденье пусто, но фура едет, повторяет все мои маневры. Я поворачиваю направо — она поворачивает. Налево — она за мной. Я выжимаю газ до упора — стрелка спидометра ползёт к 140, но фура не отстаёт. Она просто есть. Она всегда была.

Я смотрю на пассажирское сиденье. Там лежит мой телефон. Экран светится. Я беру его одной рукой, не сводя глаз с дороги. На экране — таймер. Обратный отсчёт. 00:03:00. 00:02:59. 00:02:58. Три минуты до чего-то. Я не знаю, до чего. В ушах шум, как от радиопомех. Сквозь шум пробивается голос — тот же, что из-за двери:

— Ты опаздываешь.

Я бросаю телефон на сиденье. В зеркале заднего вида фура исчезает. Вместо неё — пустота. Полная чернота. И в этой черноте загораются буквы, как в телевизоре утром: «ВЫЙДИ».

Я снова зажмуриваюсь. Считаю до трёх. Открываю.

Я стою в центре пустой комнаты. Белые стены, белый пол, белый потолок. Никакой мебели. Только я и зеркало передо мной. В зеркале — я, но уставший, с красными глазами, с синяками под глазами. Я в зеркале поднимает руку и машет

мне. Я не машу. Он машет. Затем он подносит палец к губам и шепчет:

— Тише. Они уже здесь.

Я слышу за спиной тихий, едва различимый звук. Дыхание. Кто-то стоит прямо за мной. Я чувствую тепло на затылке. Я не оборачиваюсь. Потому что знаю: если обернусь, то увижу того, кто сидел у меня в ногах, кто стучал в стену, кто вёл фуру без рук. Я стою неподвижно, глядя в зеркало. Отражение перестаёт улыбаться. Оно смотрит мне за спину и открывает рот в беззвучном крике.

И тогда я слышу за спиной голос — мой собственный голос, но искажённый, как через динамик:

— Водитель, мы уже приехали.

Я открываю глаза. Снова потолок. Трещина на месте. Часы показывают 4:44. Телевизор серый. Запах мокрой шерсти и железа. Всё повторяется. И я понимаю, что это не сон. Это не бред. Это — первый круг.

Я лежу в кровати, не в силах пошевелиться, и жду, когда кто-то в кресле встанет и подойдёт ближе. Я знаю, что это случится. Я знаю, что это уже случилось. И я знаю, что эта глава закончится, когда он коснётся моего плеча.

Я жду.

Он поднимается.

Скрипят половицы.

Шаг.

Шаг.

Шаг.

Тишина. Тьма. И рука, лежащая мне на плечо.

— Ты готов, — шепчет он.

И глава обрывается.

Глава 2.

Рука на моём плече тяжёлая, как мокрый мешок с песком. Она не просто лежит — она давит, вдавливая меня в матрас, и я чувствую, как пружины кровати прогибаются под этим весом. Пальцы длинные, холодные, с ногтями, которые царапают кожу сквозь тонкую ткань пижамы. Я хочу крикнуть, но голосовые связки скованы спазмом. Хочу дёрнуться — мышцы отказали. Я только слышу собственное сердце, которое бьётся где-то в горле, и этот ритм сливается с тиканьем часов: 4:44.

— Ты готов, — повторяет голос. Теперь я различаю его лучше: он низкий, но не мужской и не женский, а какой-то средний, как если бы два человека говорили одновременно. Он пахнет нафталином и сыростью.

Я пытаюсь ответить: «К чему?» — но из губ вырывается только влажный хрип. Рука сжимает плечо сильнее, и вдруг я чувствую, что меня приподнимают. Не за руку — за сам позвоночник, как куклу. Моё тело выгибается дугой, и я вижу, как мои ноги сами собой сползают с кровати. Я встаю. Не по своей воле — меня поставили, как манекен. Пол под босыми ступнями холодный, липкий.

Голос говорит:

— Иди. Не останавливайся. И не смотри по сторонам.

Я делаю шаг. Второй. Мои колени не гнутся, они двига-

ются, как шарниры. Я иду к двери — той самой, за которой смеялись дети. Ручка теперь не горячая, а ледяная, и на ней иней. Я поворачиваю её, и дверь открывается без скрипа. За ней — не коридор моей квартиры. За ней — длинный, бесконечный коридор, стены которого покрыты зелёным кафелем, как в старых больницах. Лампы на потолке мигают с интервалом, который сбивает ритм шагов. Каждый шаг — вспышка, каждый шаг — темнота.

Я иду. Сзади я слышу шаркающие звуки — кто-то идёт за мной, но я не оборачиваюсь. Голос сказал не смотреть по сторонам. Но краем глаза я вижу двери по обе стороны коридора. На каждой — табличка с номером. 404, 405, 406... Я насчитываю десять, двадцать, тридцать — они всё идут, и номера не повторяются, но и не увеличиваются по порядку. Они скачут: 13, 7, 99, 2. Как будто кто-то перемешал карты.

Одна из дверей приоткрыта. Из неё сочится жёлтый свет. Я слышу голос, знакомый голос — своей матери. Она говорит:

— Сынок, зайди, там торт.

Я замираю. Но голос позади меня (тот, что шаркает) шепчет:

— Не останавливайся. Это не она.

Я иду дальше, но мамин голос становится громче, умоляюще:

— Ну пожалуйста, я так долго ждала!

Я сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони, и я чув-

ствую кровь — тёплую, настоящую. Боль помогает. Я шагаю мимо двери, и за ней раздаётся детский плач — тот же, что в стене.

Коридор кончается тупиком. Стена. Но в стене — ещё одна дверь, маленькая, как люк. На ней написано мелом: «ТЫ ЗДЕСЬ». Я протягиваю руку, чтобы открыть, но люк открывается сам. Оттуда вырывается холодный сквозняк, и я вижу лестницу, уходящую вниз. Ступени металлические, ржавые, с дырками. Я делаю шаг — ступень прогибается, но не ломается. Ещё шаг. Лестница ведёт в подвал.

Я спускаюсь. Счётчик шагов сбивается, я насчитываю около сотни, а конца нет. Стены подвала влажные, покрыты слизью, и я слышу капель. Кап, кап, кап. Этот звук раздражает, он вгрызается в мозг. Я пытаюсь считать капли, но они падают не ритмично: кап... кап-кап... кап. Это тоже код. Я чувствую, что кто-то передаёт мне сообщение в этом ритме, но я не могу его расшифровать.

Наконец, лестница заканчивается. Я оказываюсь в круглой комнате с низким потолком. Посередине стоит кресло — то самое, что стояло у меня в ногах. Теперь я вижу его в полный рост: ободранное, с торчащей из сиденья пружинной, обтянутое выцветшим вельветом. В кресле никого нет, но сиденье продавлено, как будто кто-то только что встал.

На полу разбросаны фотографии. Я нагибаюсь, чтобы поднять одну. На ней — я, но лет на десять младше. Я стою у входа в школу, улыбаюсь, в руках портфель. Сзади — дру-

гие дети, но их лица размазаны, как на смазанном снимке. Я переворачиваю фото — на обороте написано красным: «ТЫ УЖЕ БЫЛ ЗДЕСЬ». Я поднимаю ещё одну: я в свадебном костюме, рядом с невестой, у которой вместо лица — пуста. Подпись: «НО ТЫ НЕ ЗАПОМНИЛ». Ещё: я в больничной палате, привязанный к койке, с капельницей. Подпись: «ВСПОМИНАЙ».

Я собираю фотографии в стопку, но они выскальзывают из рук, рассыпаются и складываются сами собой в дорожку, ведущую к двери на противоположной стороне комнаты. Дверь массивная, деревянная, с кованой ручкой в виде змеи. Я подхожу. Ручка холодная, но не обжигает. Я поворачиваю.

За дверью — операционная. Белый кафель, хирургический стол, яркие лампы. На столе лежит человек. Это я. Я лежу на столе, обнажённый, с распоротым животом. Из разреза торчат внутренности, но они не красные, а серые, как будто из камня. Рядом стоят фигуры в зелёных халатах и масках. Они держат инструменты — скальпели, зажимы, пилы. Один из них поворачивается ко мне и говорит голосом из первой главы:

— Мы нашли причину. Она в тебе.

Я пытаюсь отступить, но дверь за моей спиной захлопывается. Я заперт. Фигуры приближаются. Одна из них протягивает руку и снимает маску. Под маской — моё лицо. То самое, что улыбалось в телевизоре. Оно улыбается и сейчас.

— Мы тебя пересоберём, — говорит оно. — Старая мо-

дель сломана.

Я закрываю глаза, сжимаю веки изо всех сил, чтобы даже сквозь них не проходил свет. Я считаю до трёх. Раз. Два. Три. Открываю.

Я сижу на полу в своей комнате. Всё на местах: кровать, телевизор, тумбочка. Часы показывают 4:45. Одна минута прошла. Трещина на потолке — она изменилась. Теперь она не просто линия, она складывается в букву «S». Я смотрю на свои руки — они чистые, без крови. Но на левом запястье — свежий след, как от верёвки. Красная полоса, будто меня связывали.

Я встаю. Ноги трясутся, но я могу идти. Подхожу к зеркалу на шкафу. В зеркале — я. Обычный я, с испуганными глазами. Но за моим плечом в отражении стоит кто-то ещё. Тот же силуэт — в брезентовом плаще. Он не двигается. Просто смотрит. Я оборачиваюсь — никого. Смотрю в зеркало — он там. Я машу рукой — он не машет в ответ. Он просто стоит и смотрит.

Я отворачиваюсь от зеркала и замечаю, что на столе лежит новый предмет. Там, где раньше ничего не было, теперь стоит будильник. Старый, механический, с круглым циферблатом. Стрелки застыли на 4:44. Под будильником записка, написанная моим почерком, но я не писал её. На записке:

«Это было только начало. Ты прошёл первый уровень. Теперь встань и подойди к окну».

Я медленно подхожу к окну. Шторы дёргаются от сквоз-

няка, хотя окно закрыто. Я раздвигаю их. За окном — не улица. За окном — такая же комната, как моя, только вверх ногами. Потолок там — внизу, пол — сверху. В той комнате кто-то сидит за столом и смотрит на меня. Это тоже я. Он сидит вверх ногами, но его глаза смотрят прямо на меня, и он улыбается.

Он поднимает руку и показывает мне три пальца. Потом два. Потом один. Он начинает отсчёт.

Я отшатываюсь от окна, и в тот же миг за спиной раздаётся стук. Громкий, настойчивый — в дверь моей квартиры. Кто-то колотит кулаком. Я не двигаюсь. Стук становится сильнее, и голос с той стороны — голос моего собственного соседа, которого нет в живых — кричит:

— Открой! Мы знаем, что ты смотришь!

Я смотрю на часы на тумбочке. Электронные часы всё ещё показывают 4:44. Я перевожу взгляд на будильник — там 4:45. Время раскалывается. Я не знаю, которому верить.

Стук в дверь прекращается. Тишина. И тогда я слышу шёпот прямо в ухо, сзади:

— Не открывай. Это они проверяют, проснулся ли ты.

Я медленно оборачиваюсь. В комнате никого. Но в углу, там, где стояло кресло, теперь висит зеркало в полный рост. В зеркале я вижу свою спину, но на ней снова тот глаз — теперь он открыт широко, и в нём отражается дверь. В отражении глаза видно, что за дверью стоит несколько силуэтов. Они ждут.

Я делаю шаг к зеркалу, чтобы разбить его, но оно ускользает от моей руки, как вода. Я промахиваюсь и падаю на колени. Пол подо мной становится мягким, вязким — как болото. Я погружаюсь. Сначала по колени, потом по пояс. Я пытаюсь ухватиться за край кровати — но кровать отодвигается. Я тону в собственном полу.

И последнее, что я вижу перед тем, как тьма смыкается надо мной, — это часы. Они показывают 4:44. И трещина на потолке превращается в улыбку.

Глава заканчивается. Я проваливаюсь в чёрное, и слышу только собственный голос, который шепчет из глубины:

— Второй круг. Начинаем.

Глава 3.

Я тону. Пол проглотил меня по пояс, по грудь, по горло. Последнее, что я вижу, — трещина на потолке, которая складывается в улыбку, и красные цифры 4:44, плывущие перед глазами, как поплавки. Я вдыхаю — и вместо воздуха в лёгкие заливается вязкая, тёплая жижа. Она пахнет ржавчиной и старой кровью. Я захлёбываюсь, дёргаюсь, но тело не слушается, оно погружается глубже, и я чувствую, как пол смыкается над моей головой.

Тьма. Абсолютная, плотная, как бархат. Я не дышу — но не задыхаюсь. Я просто вишу в этой пустоте, как муха в янтаре. Нет верха, нет низа, нет звуков. Только собственный пульс, который теперь стучит не в груди, а в висках, в зубах, в кончиках пальцев. Я считаю удары — шестьдесят, семьдесят, сто — и теряю счёт. И тогда тьма начинает светлеть. Сначала серым, потом белым, а потом я падаю — стремительно, животом вниз, и ударяюсь о кафельный пол.

Боль. Острая, настоящая. Я лежу на спине, смотрю в потолок. Он высокий, сводчатый, с лепниной, которая изображает ангелов. Но ангелы безликие — у них нет глаз, только гладкие впадины. Я поворачиваю голову. Я в огромном зале. Это похоже на вокзал или музей: мраморные колонны, длинные ряды стеллажей, которые уходят вверх до самого свода. Стеллажи заполнены папками, коробками, рулонами бумаг.

Пахнет пылью, старой бумагой и сухими травами.

Я встаю. Ноги подкашиваются, но я держусь за ближайшую колонну. Мрамор холодный, шершавый. Я провожу пальцем по поверхности и чувствую, что на колонне вырезаны буквы. Я присматриваюсь: «ЦИКЛ 47. ЗАПИСЬ 3.1». Ниже — дата, которая ещё не наступила. Я отшатываюсь. Что-то в этой надписи знакомое, до тошноты знакомое.

— Ты не должен был так рано прийти, — говорит голос за спиной.

Я оборачиваюсь. Передо мной стоит фигура в брезентовом плаще. Теперь я вижу её в полный рост — высокую, сутулую, с руками, которые свисают почти до колен. Капюшон натянут глубоко, и лица не видно, только чернота внутри. Но я знаю, что это тот, кто сидел у меня в ногах, кто вёл меня по коридору. Он стоит неподвижно, и от него пахнет нафталином и сыростью.

— Где я? — спрашиваю я. Голос звучит хрипло, но это мой голос.

— В архиве, — отвечает фигура. — В твоём личном архиве. Здесь хранится всё, что ты когда-либо думал, видел или забыл. Каждая мысль, каждое сновидение, каждое мгновение паники.

Я смотрю на стеллажи. Тысячи папок, сотни тысяч листов. И все они — мои. Я подхожу к ближайшему стеллажу и вытаскиваю папку наугад. На обложке написано: «СОН О ШКОЛЕ, 2003 ГОД, ВТОРНИК». Я открываю её. Внутри —

стопка бумаг, исписанных моим детским почерком. Я читаю: «Мне снилось, что я иду по коридору, но пол исчезает, и я падаю». Я перелистываю: «Мне снилось, что за мной гонится чёрная тень, я прячусь под кроватью». Каждая страница — мой сон. Кошмар за кошмаром, от детства до сегодняшнего дня.

Я бросаю папку на пол, и она рассыпается. Листы разлетаются, и я вижу, что на оборотной стороне каждого листа стоит штамп: «ОБРАБОТАНО. ЦИКЛ 47». Я хватаю другую папку — «СТРАХ ПЕРЕД ТЕМНОТОЙ, 1998». Там то же самое. Я открываю третью, четвёртую, десятую — везде одинаковый штамп, везде один и тот же номер цикла.

— Что значит «цикл 47»? — кричу я фигуре.

Она делает шаг ко мне. Пол под её ногами не скрипит, хотя кафель старый. Она останавливается в трёх метрах и медленно поднимает руку. Пальцы длинные, с неестественно бледной кожей. Она указывает на дальнюю стену зала. Там я вижу нечто, чего не заметил сразу: гигантское табло, как на вокзале. На нём белыми буквами горят строки:

ЦИКЛ 1 — ЗАВЕРШЁН

ЦИКЛ 2 — ЗАВЕРШЁН

ЦИКЛ 3 — АКТИВЕН

...

ЦИКЛ 46 — ЗАВЕРШЁН

ЦИКЛ 47 — ИДЁТ

Я смотрю на табло, и у меня перехватывает дыхание. Строка «ЦИКЛ 3 — АКТИВЕН» мигает. Значит, я сейчас в третьем цикле. Я был здесь уже сорок шесть раз. И ничего не помню.

— Ты начинаешь вспоминать, — говорит фигура. Голос становится мягче, почти сочувственным. — Это хорошо. Значит, препарат выветривается.

— Какой препарат? — шепчу я.

— Тот, который тебе ввели перед началом. Чтобы ты не помнил предыдущие попытки. Но каждый раз доза слабее, и к третьему циклу память начинает просачиваться. — Фигура делает ещё шаг. — Ты пытаешься проснуться уже сорок семь раз. Ты просыпался в своей комнате, в машине, на операционном столе, на полу, в канализации. Ты всегда возвращался в эту комнату, в 4:44. И каждый раз ты забывал, что уже проходил это раньше.

Я отступаю к стеллажу. Спина упираюсь в твёрдые картонные коробки. Они падают, и из одной высыпаются фотографии. Те же, что я видел в подвале: я в школе, я на свадьбе, я в больнице. Но теперь на обороте каждой подписано: «ЦИКЛ 4», «ЦИКЛ 12», «ЦИКЛ 29». Все мои жизни, все мои кошмары — просто записи в архиве.

— Зачем? — спрашиваю я. — Кто это делает?

— Ты сам, — отвечает фигура. — Ты создал этот мир, чтобы спрятаться от чего-то. Ты построил лабиринт, но забыл, где выход. Я — только твой помощник. Я храню записи, чтобы ты мог найти путь, когда будешь готов.

— Но я не готов! — кричу я. — Я хочу проснуться! Настоящего!

Фигура молчит. Потом она медленно поднимает руки и откидывает капюшон. Под ним — лицо. Моё лицо. Но старое, измождённое, с глубокими морщинами, с седыми волосами и мутными глазами. Это я, но проживший лет пятьдесят. Оно смотрит на меня и говорит:

— Ты уже проснулся. Сорок семь раз. Но каждый раз ты выбирал снова заснуть.

Я смотрю на своё старое лицо и чувствую, как пол под ногами начинает дрожать. Стеллажи шатаются, папки падают, бумаги взлетают в воздух, как белые птицы. Я бегу к выходу — к огромным дверям в конце зала. Они заперты. Я бью в них кулаками, кричу, но они не поддаются. Старый я стоит неподвижно и спокойно говорит:

— Ты знаешь, что нужно сделать. Ты делал это в предыдущих циклах. Но ты всегда боялся последнего шага.

— Какого шага? — ору я, не оборачиваясь.

— Ты должен вспомнить, от чего бежишь. Вспомнить по-настоящему. Тогда цикл прервётся.

Я замираю. Дверь передо мной исчезает, и вместо неё по-

является зеркало в полный рост. В нём я вижу себя — молодого, испуганного, с красными глазами. Но за моим отражением — комната. Моя комната. Кровать, тумбочка, часы. Часы показывают 4:44. Я смотрю на них, и вдруг понимаю: я могу просто шагнуть в зеркало. Шагнуть и оказаться там.

Я делаю шаг. Зеркало подаётся, как вода. Я переступаю через него — и падаю на пол своей комнаты. Я снова здесь. Часы показывают 4:45. Трещина на потолке теперь имеет форму буквы «S», но она пульсирует, как вена. На столе стоит будильник, на котором написано «ЦИКЛ 3 ЗАВЕРШЁН». Рядом лежит лист бумаги, на котором мой почерк вывел:

«Поздравляю. Ты вспомнил о существовании циклов. Теперь следующий шаг: вспомни, что случилось в реальности. Вспомни момент, когда ты решил закрыться в этом мире. Это единственный способ выйти».

Я хватаю лист, комкаю его и швыряю в стену. Бумага прилипает к обоям и начинает дымиться, оставляя чёрный ожог на обоях. Я смотрю на ожог, и в нём проступает лицо — моё, но искажённое, с открытым ртом, как будто я кричу. И я слышу звук — отдалённый, но усиливающийся. Это сирена. Скорая помощь. И голос — женский — говорит где-то очень далеко:

— Давление падает! Дефибриллятор!

Я зажимаю уши, но голос проникает сквозь ладони. Это реальный мир. Я слышу его впервые. И я понимаю: я не сплю. Я не в бреду. Я в коме. И каждый цикл — это моя

борьба за жизнь. Врачи пытаются меня вытащить, а я прячусь в этом кошмаре.

Я падаю на колени. Пол мокрый, вязкий, как в начале. Я смотрю на свои руки — они трясутся. И тогда я слышу шёпот за спиной — снова фигура в брезенте:

— Теперь ты знаешь. Но ты не хочешь возвращаться. Там больно. Здесь — просто страшно. Выбирай.

Я закрываю глаза и считаю до трёх. Раз. Два. Три.

Открываю. Я в комнате. Всё на месте. Но на стене, прямо над изголовьем кровати, теперь висит моя фотография в рамке. На ней я молодой, улыбающийся, обнимаю женщину. Её лица не видно — оно стёрто. Под фото надпись: «ОНА ЖДЁТ ТЕБЯ. ИЛИ ТЫ ЕЁ ЖДЁШЬ?»

Я смотрю на фотографию, и в голове всплывает обрывок воспоминания: больница, белые стены, аппарат ИВЛ, и женские пальцы, сжимающие мою руку. Я слышу её голос: «Не уходи». Но я уже ушёл.

Глаза начинают слипаться. Кровать подо мной прогибается, затягивает, как болото. Я пытаюсь сопротивляться, но веки тяжелеют. Последнее, что я вижу, — часы на тумбочке. Они показывают 4:44.

Чёрный экран. И голос — мой собственный, но из динамика:

— Цикл 3 завершён. Подготовка к циклу 4. Запуск через три секунды. Три. Два. Один.

Я проваливаюсь.

И слышу тиканье будильника.

Тик-так.

Тик-так.

4:44.

Глава 4.

Я просыпаюсь с криком. Собственный голос бьёт по ушам, и я чувствую, как горло разрывается от напряжения. Но крик обрывается, когда я вижу потолок. Трещина на месте. Она всё та же — буква «S», пульсирующая в такт с моим сердцем. Я сажусь в кровати, и на этот раз голова не кружится. Я помню. Всё. Архив, циклы, своё старое лицо в капюшоне, голос врачей за стеной реальности. Я помню, что это сорок седьмая попытка. И я не собираюсь снова засыпать.

Я вскакиваю с кровати. Часы на тумбочке — 4:44. Я смотрю на них и впервые не чувствую страха. Я чувствую злость. Я хватаю часы и швыряю их в стену — они разбиваются вдребезги, батарейки выкатываются на пол, красные цифры гаснут. Тишина. Я жду, что мир изменится, но ничего не происходит. Комната остаётся прежней. Я делаю шаг к двери — но она исчезает. Вместо неё — гладкая стена. Я оглядываюсь: окна тоже нет, шкаф растворился, зеркало исчезло. Всё, что осталось, — кровать и я.

— Ты решил бунтовать, — голос Памяти звучит отовсюду, как эхо в пустом зале. — Это бесполезно. Ты в программе. Если ты ломаешь декорации, программа просто генерирует новые.

— Тогда покажи мне выход! — кричу я в пустоту. — Ты сказал, что я сам создал этот мир. Значит, я могу его разру-

шить.

— Можешь, — голос становится тише, почти интимным. — Но для этого нужно вспомнить, почему ты его создал. Ты всё ещё прячешься от одного воспоминания. самого важного.

Я замираю. Воспоминание. Женщина на фото. Больница. Голос: «Не уходи». Что случилось? Я закрываю глаза и пытаюсь пробиться сквозь туман. Вижу смутные образы: дорога, мокрый асфальт, фары, резкий удар, стекло разлетается осколками, и чей-то крик. Мой крик. Я за рулём. Рядом — она. Я не вижу её лица, но чувствую, как её рука сжимает мою ладонь, и эта рука холодеет. Я выдыхаю, открываю глаза. Стены комнаты начинают плавиться, как воск.

— Я был в аварии, — говорю я. — Она... она погибла?

Тишина. А затем Память отвечает:

— Нет. Не совсем. Но ты считаешь себя виноватым. Поэтому ты и заперся здесь. Чтобы не смотреть ей в глаза.

Стены окончательно растекаются, и я оказываюсь в том самом архиве, который видел в третьем цикле. Но теперь всё иначе — стеллажи пылают, папки разлетаются пеплом, кафельный пол растрескался, и из трещин сочится чёрная жидкость. В центре зала стоит старый я, без капюшона, с лицом, изрезанным морщинами. Он протягивает мне руку, в которой держит одну папку. Она не горит, она светится бледным светом.

— Это твоя запись, — говорит он. — Последняя реальная

запись. Остальное — фальшивки, которые ты сам создал, чтобы не помнить.

Я беру папку. На обложке — моя фамилия, дата и время: 04:44, как ни странно. Я открываю. Внутри — не бумаги, а один лист, на котором перечислены пункты. Мой почерк, но мелкий, нервный:

Ты сел за руль в 4:00 утра.

Ты был пьян.

Она просила тебя не ехать.

Ты не послушался.

Мост. Скользко. Удар.

Она жива. Ты в коме. Семь месяцев.

Она приходит каждый день.

Ты не можешь вернуться, потому что боишься её глаз.

Ты создал петлю, чтобы не просыпаться.

Петля работает, пока ты не вспомнишь пункт 8.

Я смотрю на лист, и мир вокруг меня начинает трястись. Стеллажи рушатся, пол уходит из-под ног, я падаю на колени, но папка остаётся в руках. Память склоняется надо мной и шепчет:

— Ты помнишь теперь. Но ты должен сделать выбор. Или ты остаёшься здесь, в бесконечном 4:44, или идёшь туда, где она ждёт. Но если ты пойдёшь — ты должен будешь посмотреть ей в глаза. И сказать, что ты не убегаешь больше.

Я поднимаю голову. Передо мной — новая дверь. Не та, что была раньше. Она белая, с ручкой в виде сердца. От неё

исходит тёплый свет и запах свежих цветов — сирени. Я помню этот запах. Она любила сирень.

Я встаю, делаю шаг к двери. Но на полпути за спиной раздаётся топот. Я оборачиваюсь — из трещин в полу выползают фигуры. Они не похожи на людей — чёрные, сглаженные, без лиц, но с длинными руками, которые тянутся ко мне. Они не хотят, чтобы я вышел.

— Они — твой страх, — кричит Память. — Ты создал их, чтобы охранять выход. Они нападут, если ты попытаешься.

Первая тень хватается меня за лодыжку. Я падаю, папка вылетает из рук. Я пинаю тень, но она без плотная, как дым. Вторая хватается за руку, третья — за другую. Они начинают тянуть меня назад, вглубь архива, где уже разверзается чёрная воронка. Я кричу, брыкаюсь, но они сильнее.

— Вспомни её! — голос Памяти прорывается сквозь шум. — Вспомни её глаза! Тогда они исчезнут!

Я зажмуриваюсь. Я представляю её. Светлые волосы, родинка на левой щеке, голубые глаза, которые смотрят на меня с нежностью и болью. Она говорит: «Я прощаю тебя. Просто вернись». Я чувствую тепло, которое разливается по груди. Открываю глаза. Тени визжат, отступают, растворяются в воздухе. Воронка закрывается. Я снова один в пустом зале, перед белой дверью.

Память исчезла. Вместо него на полу лежит та самая фотография — я и она, целые, улыбающиеся, на фоне моря. На обороте написано: «Жди меня. Я вернусь». Я поднимаю фо-

то и прижимаю к груди. Иду к двери, берусь за ручку-сердце. Она тёплая, как живая.

Я поворачиваю её. Дверь открывается, и я вижу коридор. Не больничный, не тёмный — светлый, с окнами, за которыми — летний день. Я делаю шаг. Пол под ногами упругий, но не вязкий. Я иду всё быстрее, почти бегу. В конце коридора — ещё одна дверь, и за ней я слышу голос. Её голос:

— Ты слышишь меня? Я здесь. Я всегда здесь.

Я бегу. Дверь приближается. Я протягиваю руку, чтобы открыть её. Но вдруг свет гаснет. Коридор исчезает, и я снова оказываюсь в своей комнате. На кровати. Часы на полу разбиты, но на стене появились новые — большие, напольные, с маятником. Они показывают 4:44. Маятник качается и отсчитывает секунды.

— Нет! — кричу я. — Не сейчас!

Я вскакиваю, бросаюсь к стене, но она не поддаётся. Стучу кулаками, кричу её имя, но в ответ — тишина. И тогда я слышу шёпот сзади. Я оборачиваюсь — на кровати сидит она. Моя женщина. Но она выглядит иначе — её глаза пустые, как у куклы, и она улыбается, но улыбка не двигается.

— Ты хотел увидеть меня? — говорит она голосом, похожим на запись, пропущенную через помехи. — Вот я.

Я делаю шаг назад. Это не она. Это ловушка, очередная иллюзия, чтобы я не шёл к настоящей. Я сжимаю кулаки.

— Ты фальшивка, — говорю я. — Ты не она.

Кукла моргает, и у неё из глаз текут чёрные слёзы. Она

встаёт и идёт ко мне, выставив руки.

— Останься, — шипит она. — Она тебя не простит. Там только боль. Здесь — вечный покой.

— Нет, — шепчу я. — Там — жизнь.

Я зажмуриваюсь, вспоминаю её настоящие глаза, и кукла исчезает. Вместо неё — пустота. Но комната остаётся. И часы с маятником продолжают тикать.

Я смотрю на маятник и замечаю, что он качается не просто так — его движения совпадают с ритмом моего дыхания. Я набираю воздух — маятник уходит вправо, выдыхаю — влево. Я понимаю: если я изменю ритм дыхания, я смогу сломать этот цикл. Я начинаю дышать часто, прерывисто — маятник сходит с ума, дёргается, часы начинают звенеть, циферблат трескается. И вдруг — тишина. Часы останавливаются на 4:44. Но теперь это не угроза, это просто цифры.

Пол под ногами проваливается, и я падаю.

Я падаю в белый свет. Я чувствую, как вокруг меня смыкается что-то плотное, тягучее, и я слышу голоса — реальные, не из сна. Женский голос:

— Доктор! У него пульс! Он возвращается!

Я пытаюсь открыть глаза, но веки слишком тяжёлые. Я слышу писк аппаратуры, шаги, и этот запах — больничный, стерильный. Я чувствую руку, сжимающую мою ладонь. Тёплую, живую. Голос плачет:

— Милый, я здесь. Я рядом. Выходи, пожалуйста.

Я сжимаю её пальцы в ответ. Слышу, как она вскрикивает

от радости. Я пытаюсь сказать: «Я люблю тебя», — но из горла вырывается только сиплый звук. Свет становится ярче, и я чувствую, как веки поддаются. Я открываю глаза.

Белая больничная палата, капельница, электронные мониторы. И над кроватью — её лицо. Живое, с мокрыми от слёз щеками, с синяками под глазами, но родное. Она смотрит на меня и улыбается.

— Ты вернулся, — шепчет она.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ. Моя рука находит её руку, и я сжимаю её изо всех сил. Я хочу сказать так много, но слова не идут. Только одно слово, которое я смог прошептать:

— Прости.

Она качает головой:

— Тсс. Молчи. Ты здесь. Это главное.

Я смотрю на часы на стене. Они показывают 16:44. День. Реальность. Я чувствую боль в теле, но это живая боль, она настоящая. За окном — солнце. Деревья. Это не 4:44. Это другая жизнь.

Но вдруг больничная палата начинает мерцать. Края изображения будто обтрепались, как старая фотография. Её лицо искажается на секунду — становится серым, безэмоциональным. Я слышу знакомый голос Памяти, откуда-то изнутри:

— Ты прошёл цикл 4. Но петля не разорвана. Ты можешь выбрать — остаться в этой иллюзии выздоровления или вернуться в реальность. Только ты знаешь, что реально, а что

— нет. Выбирай.

Я зажмуриваюсь изо всех сил и открываю глаза. Снова потолок с трещиной. Снова 4:44. Я лежу в кровати. На тумбочке лежит новый будильник, и на нём записка моим почерком:

«Ты почти вышел. Но ты всё ещё сомневаешься. Следующий цикл — последний. Или ты разорвёшь петлю навсегда, или останешься здесь навсегда. Выбор за тобой. До встречи в цикле 5».

Я сжимаю записку в кулаке и смотрю в потолок. Трещина меняет форму — теперь она похожа на дверь. И я знаю, что должен войти в неё.

Часы начинают отсчёт: 4:44. Маятник качнулся. Цикл 5 запускается.

Тьма.

И шёпот:

— Ты готов?

Глава 5.

Я открываю глаза, и впервые за все циклы я знаю, что это начало конца. Потолок с трещиной, часы на тумбочке — 4:44, запах мокрой шерсти и железа. Но теперь я не боюсь. Я смотрю на трещину, и она больше не пульсирует, не дышит. Она просто трещина, и внутри неё я вижу дверную ручку — ту самую, с сердцем. Я встаю с кровати. Ноги не трясутся. Пол холодный, но он не липкий, он просто кафель. Комната пуста — исчезли телевизор, шкаф, зеркало. Только кровать и я. И дверь в потолке.

Я протягиваю руку, касаюсь ручки. Она теплая. Я поворачиваю. Потолок раскрывается, как люк, и оттуда спускается лестница. Не ржавая, не металлическая — деревянная, со светлыми ступенями, пахнущая смолой. Я поднимаюсь. Каждая ступенька скрипит, но по-доброму, как в старом доме, где тебя ждут. Я поднимаюсь вверх и оказываюсь в длинном коридоре. Он не больничный, не тёмный — это коридор моей реальной жизни. Стены обклеены обоями в цветочек, висят семейные фотографии. Я узнаю этот коридор — это квартира, где мы жили с ней до аварии.

Я иду по коридору. Из кухни доносится запах кофе и жареного хлеба. Голос — её голос — напевает мелодию, которую я не слышал много лет. Я подхожу к кухонной двери. Она приоткрыта. Я заглядываю — там она. Молодая, счаст-

ливая, в моём старом свитере, помешивает кофе. Она оборачивается и смотрит на меня.

— Ты опоздал, — говорит она с улыбкой. — Я уже завтракаю одна.

Я хочу ответить, но горло перехватывает. Я знаю — это не она. Это призрак прошлого, очередной слой петли. Но я не хочу разрушать этот образ. Я стою и смотрю, и она говорит:

— Садись, поешь.

Я сажусь за стол. Она ставит передо мной чашку и тарелку с тостами. Всё как раньше, до того вечера. Я беру тост и откусываю — он хрустит, вкус настоящий. Я смотрю на неё, и слёзы подступают к глазам.

— Прости меня, — говорю я.

Она перестаёт улыбаться. Её глаза становятся серьёзными, но в них нет осуждения. Она протягивает руку и накрывает мою ладонь.

— Ты уже прощён, — говорит она. — Ты должен был понять это с самого начала. Я никогда не обвиняла тебя.

— Но я ехал пьяным, — шепчу я. — Я разбил машину. Ты чуть не погибла.

— И я выжила, — отвечает она. — А ты сейчас здесь, в этой петле, пытаешься спрятаться от меня, от себя. Но я прихожу к тебе каждый день, слышишь? Каждый день я сижу у твоей постели и прошу тебя вернуться. Хватит убегать.

Я смотрю в её глаза, и в них я вижу реальность — боль, усталость, но и бесконечную любовь. Это не иллюзия. Это

часть воспоминания, которая хочет донести до меня правду. Я чувствую, как мир вокруг начинает плавиться — кухня, обои, кофе — всё растворяется, и я снова стою в пустоте. Но она по-прежнему рядом, держит меня за руку.

— Ты должен отпустить вину, — говорит она. — И отпустить меня. Не потому что я ухожу, а потому что я не держу тебя. Ты сам себя держишь.

Я киваю. Она улыбается, и её рука начинает таять, как дым. Я хочу удержать её, но она исчезает, и я остаюсь один в белом пространстве.

И тут я слышу шёпот:

— Ты всё ещё можешь остаться. Создать новый цикл, новый мир. Ты можешь быть с ней здесь, вечно. Зачем тебе больная реальность?

— Нет, — отвечаю я твёрдо. — Реальность — это где она живёт, где я могу дотронуться до неё по-настоящему. А здесь — только тени.

— Но в реальности ты можешь умереть. Твоё тело измождено. Врачи говорят, что шансов мало. Если ты проснёшься сейчас, ты можешь не выжить.

Я молчу. Это последнее искушение. Я могу остаться здесь, в бесконечном мире, где всё под контролем, где боль приглушена, где я могу создавать любые иллюзии. Или я могу рискнуть и вернуться в тело, которое лежит в больнице уже семь месяцев, истощённое, беспомощное.

Я смотрю на свои руки, на ладони, которые помнят её теп-

ло. И я делаю выбор.

— Я возвращаюсь, — говорю я. — Открой выход.

Пространство вокруг меня сжимается. Белый свет становится ослепительным, я слышу гул, как от турбины. В центре света появляется дверь — простая, деревянная, с табличкой «ВЫХОД». Я подхожу к ней, берусь за ручку. Она холодная, но это не страшно.

— Ты уверен? — голос Памяти звучит в последний раз, уже слабо, как далёкое эхо.

— Уверен, — говорю я и открываю дверь.

Передо мной — не коридор, не комната. Передо мной — сияющая белизна, и я делаю шаг в неё. И чувствую, как всё внутри меня переворачивается, как меня вырывают из этого мира с корнем. Я падаю. Я лечу. Я слышу собственное сердце, которое бьётся где-то далеко, и с каждым ударом оно становится ближе.

Я открываю глаза.

Это больничная палата. Белые стены, запах антисептика, писк мониторов. Моё тело тяжёлое, как мешок с песком. Я не могу пошевелить пальцами. Я слышу голоса — врачи говорят о показателях, медсестра что-то записывает. И я слышу плач. Её плач. Она сидит рядом, держит меня за руку, и её слёзы каплют на мою кожу.

Я пытаюсь сжать её пальцы. Сначала ничего не выходит, но я собираю все силы — и сжимаю. Она вскрикивает.

— Доктор! Он шевелится!

Я открываю рот. Язык сухой, как наждак, но я выдавливаю:

— Я... вернулся...

Она бросается ко мне, целует лоб, щёки, глаза.

— Я знала, — шепчет она. — Я знала, что ты вернёшься.

Я смотрю в её глаза. Они заплаканы, красные, но в них — жизнь. Настоящая. Я чувствую её дыхание на своей коже, её запах, тепло её рук. Это не иллюзия. Это реальность.

Я пытаюсь улыбнуться. Из последних сил я шепчу:

— Никогда больше... не уйду.

Монитор показывает стабильный пульс. Врачи суетятся, но я не обращаю на них внимания. Я смотрю только на неё. Она гладит мои волосы и тихо говорит:

— Всё будет хорошо. Мы справимся.

Я закрываю глаза — не чтобы заснуть, а чтобы просто ощутить покой. Впервые за бесконечные циклы я чувствую, что нахожусь в правильном месте.

И в тишине, когда я почти проваливаюсь в сон, я слышу шёпот, едва различимый, будто из далёкого динамика:

— Цикл 5 завершён. Система отключена. Конец программы.

А затем — тишина. Никаких часов, никаких 4:44. Только уютная темнота, в которой я слышу, как бьётся её сердце рядом с моим.

Я засыпаю. Но это не сон. Это отдых.

Когда я снова открою глаза, будет утро. Солнечное, тёп-

лое, с запахом сирени из окна. Она будет сидеть рядом и улыбаться.

И на стене больничных часов будет не 4:44, а 7:23 утра.
Настоящее время.

Конец.

«Десять слушателей»

Глава 1.

Расшифровка аудиозаписи с цифрового диктофона «Olympus», обнаруженного в кабинете №4 Центра экспериментальной психотерапии. Устройство было найдено на полу, рядом с опрокинутым креслом, в 9:14 утра 12 октября. В помещении никого не было. Запись имеет продолжительность 48 минут 12 секунд. Время старта: 14:05 11 октября. Ниже приведена полная транскрипция с комментариями следователя.

(Начало записи. Шорох одежды, скрип кожаного кресла, щелчок кнопки. Тихий, ровный голос терапевта — доктора Л.)

Доктор Л.: Сеанс регрессивной гипнотерапии, запись номер сорок семь. Пациент М., тридцать четыре года. Информированное согласие получено, стандартный протокол с применением плацебо-препарата «Кальций-плюс» для снижения тревожности. Время начала — четырнадцать ноль пять. Максим, вы меня слышите?

(Пауза. Голос пациента — глухой, сдавленный, как если бы он говорил сквозь стиснутые зубы.)

Максим: Я слышу вас. И я слышу, как ваши часы тикают в ящике стола. Зачем вы их туда убрали?

Доктор Л.: Чтобы не отвлекать вас. Обычная практика. Как ваше самочувствие? Прошло десять минут после приёма таблетки.

Максим: Таблетка... Вы сказали — плацебо, глюконат кальция. Но глюконат кальция не жужжит. Он не превращает слюну в сироп. У меня во рту вкус жжёной карамели и чего-то кислого, как батарейка. Я чувствую, как она растворяется в языке, и оттуда прорастают крошечные иглы. Они двигаются. В такт тиканью ваших часов, которые вы спрятали.

Доктор Л.: Это нормальная соматическая реакция тревожного ожидания. У вас повышенная чувствительность, мы это уже обсуждали. Сейчас мы начнём погружение. Откиньтесь на спинку кресла. Закройте глаза. Сосчитайте до десяти вместе со мной. На счёт «один» вы почувствуете приятную тяжесть в веках.

Максим: (шёпотом) Один.

(Тишина 4 секунды. Слышно, как пациент сглатывает. Звук неестественно громкий, булькающий.)

Максим: Тяжесть. Как мокрый песок. Нет... не песок. Это земля. Кладбищенская земля, липкая, с обрывками корней. Она сыплется мне на лицо из-под вашего потолка. Вы видите? Прямо из стыков гипсокартона. Вы должны это видеть.

Доктор Л.: Потолок чист. Вы в безопасной комнате. Два. Тепло поднимается от ступней к коленям. Расслабляющее, мягкое тепло.

Максим: (издаёт смешок, похожий на всхлип) Два. Тепло. Вы опять ошиблись, доктор Л. Это не тепло. Это сироп. Густой, янтарный. Он прибывает снизу, я уже по щиколотку в нём, хотя ковёр сухой. И в этом сиропе — мухи. Десятки мух, они бьются в липкой сладости и жужжат в резонанс с вашим голосом. Их жужжание складывается в слова. Они повторяют: «Не верь ему, не верь ему». Вы их подбросили?

Доктор Л.: В кабинете нет мух. Сосредоточьтесь на моём голосе. Три. Вы находитесь в абсолютно безопасном месте. Здесь никого, кроме нас.

Максим: (голос внезапно становится жёстким, интонация

меняется) Три. Здесь нет безопасного места. Эта комната — ловушка. Посмотрите на стул, на котором вы сидите. Он был на полметра левее, когда я вошёл. Я специально заметил — он стоял напротив окна. А теперь он перегораживает дверь. Вы передвинули его, пока я закрывал глаза на «двойке». Зачем, доктор? Хотите, чтобы я не вышел? Вы же понимаете, о чём я? Вы сами сидите в углу, зажатый между шкафом и батареей. И ваша поза неестественная. Вы поджали левую ногу, но я слышу, как хрустят кости в голени. Вам больно. Вам тоже страшно, правда?

(На записи — долгая пауза, 11 секунд. Скрип. Судя по акустике, терапевт меняет положение.)

Доктор Л.: Четыре. Расслабьте челюсть. Вы напряжены. Отпустите мышцы лица.

Максим: Моя челюсть — не моя. Вы дали мне не плацебо. Я знаю, что это было. Два года назад, в Амстердаме, я пробовал вещество, которое называли «Зеркало». Оно не вызывает галлюцинаций — оно стирает фильтр между тем, что есть, и тем, что может быть. Я вижу вещи не так, как они выглядят, а так, каковы они на самом деле. Ваши пальцы... когда вы записываете что-то в блокнот, вы не ручкой пишете. У вас в пальцах зажат осколок стекла, и вы выцарапываете буквы на коже блокнота. Чёрные разводы на подушечках —

это типографская краска? Или моя эмаль? Вы грызёте ногти, доктор Л.? Или вы прогрызаете себе путь?

Доктор Л.: (голос слегка дрогнул, но остаётся монотонным) Пять. Мы спускаемся по лестнице. Ступени мягкие, ковровая дорожка глушит шаги. С каждым шагом вы погружаетесь глубже в воспоминания.

Максим: (частое дыхание, микрофон ловит хрип) Пять... Ступени — это не ковёр. Это дёсны. Вы ведёте меня вниз по чьей-то пасти. Лестница — язык, стены — нёбо, и они влажные. Оттуда пахнет кардамоном и формальдегидом. Это запах морга, доктор. Запах бальзамирования. Почему ваш кабинет пахнет трупом? И этот запах идёт не от меня. Он исходит от вашего дыхания. Вы наклоняетесь ко мне слишком близко. Отодвиньтесь. Или нет — не отодвигайтесь. Я вижу ваши зрачки. Они пульсируют. Левый зрачок расширен, правый сужен в точку. Они не круглые. Один — треугольник, другой — щель, как у козы. Что вы за херня такая, доктор Л.?

(Резкий звук — что-то падает на пол. Вероятно, блокнот или диктофон. Голос терапевта впервые отклоняется от протокола.)

Доктор Л.: Шесть. Мы почти достигли целевого уровня. Вы должны успокоиться и следовать за моим голосом.

Максим: Не называйте «шесть». Пожалуйста, не надо. На «шесть» всегда приходит Она. Я не говорил вам этого на прошлых сеансах, но вы должны были понять. Она стоит за моим отражением. В любом зеркале. В тёмном окне. В стекле ваших очков — вы же носите очки, доктор? Я вижу в них своё лицо, но оно не повторяет мою мимику. Оно улыбается отдельно от меня. И сзади, за моим плечом, в глубине стекла, стоит фигура. Женщина в белом. Не в платье — в саване. Она трётся спиной о внутреннюю поверхность ваших глазных яблок. Скажите ей, чтобы перестала. Скажите! Вы же профессионал. Остановите сеанс. Я передумал. Я отказываюсь от терапии. Верните меня.

(Шум. Похоже, пациент пытается встать. Падает подставка для ног. Голос терапевта становится громче, перебивает.)

Доктор Л.: Семь. Сидите. Мы не закончили.

(Тишина, 4 минуты 12 секунд по тайм-коду. На записи слышен только фоновый шум — низкочастотный гул, похожий на работу холодильника, но в кабинете не было холодильника. На 34-й минуте тишину разрывает голос Максима. Он изменился: исчез страх, появилась отстранённая, почти сонная монотонность.)

Максим: Доктор Л.? Почему вы молчите?

(Нет ответа.)

Максим: Ваше лицо... оно осыпается. Как гипс. Сначала трещина от угла губ к уху, потом скула проваливается внутрь. Под кожей — не мясо. Там темнота и мелкие буквы. Текст. Вы состоите из текста, доктор. «Сеанс номер сорок семь, пациент М., согласие получено». И дальше, дальше, бесконечная вязь слов. Вы кто? Протокол? Искусственный интеллект? Или идея, которая притворилась человеком?

(Тихий смех. Не Максима. Источник неясен. Качество записи меняется — появляется эхо, словно комната стала огромной.)

Доктор Л.: (голос идентичен голосу Максима, но на полтона ниже, с металлическим призвуком) Восемь. Ты думаешь, что ты пациент. Но ты сидишь в моём кресле. Ты — это я. Мы приняли таблетку вместе. Ты забыл?

Максим: (собственный голос, но с ужасом) Что? Я не... Я Максим. Я пришёл сюда в два. Я помню свой адрес. Я помню имя матери. Её звали Лена. У неё была родинка над левой бровью. Это правда?

Доктор Л. (голосом Максима): У твоей матери не было родинки. Это моя мать. Ты украл её лицо из моей памяти. Мы — один организм. Одна галлюцинация. Мы заперты в этой записи. Вслушайся.

(В этот момент фоновый гул превращается в ритмичное повторение: «сорок семь, сорок семь, сорок семь». Затем — голос, похожий на автоматический диктор.)

Диктор: Внимание. Ошибка буфера. Субъект дефрагментирован. Запуск процедуры слияния. Девять.

Максим: (крик) Нет! Не произносите «девять»! Мы не дойдём до десяти. Я знаю правило — после десяти ничего нет. Только шум. Белый шум и перемотка. Мы зациклены. Сколько раз мы уже проходили этот сеанс? Сорок семь? Вы сказали «запись сорок семь», но предыдущих сорока шести не существует. Это петля. Вы понимаете? Петля в вашей черепной коробке, и мы оба — её заложники. Я не хочу снова видеть Её. Не хочу, чтобы Она выползла из зеркала.

(Звук разбиваемого стекла. Грохот. Похоже, пациент опрокинул что-то стеклянное. Затем — тишина. Через 23 секунды — шёпот Максима, прямо в микрофон диктофона.)

Максим: Десять. Она здесь. Она гладит меня по голове. Её

пальцы ледяные и пахнут сырой землёй. Прощайте, доктор. Или прощай, я. В следующей петле нас будет трое.

(Запись обрывается. Конец файла.)

Приложение к делу № 47-К. Следователь отдела К., майор Громова.

Диктофон найден в пустом кабинете. Доктор Левин, Артур Борисович, и пациент Максим Стеклов исчезли в промежутке между 14:05 и 18:00 11 октября. Свидетели (охранник, медсестра) утверждают, что видели, как пациент зашёл в кабинет, но никто не видел, чтобы они выходили. Кабинет осмотрен: на ковре — следы вещества, похожего на сахарный сироп с дохлыми мухами. На блокноте доктора Левина — записи, сделанные не чернилами, а, предположительно, костной тканью (экспертиза продолжается). В ящике стола — двое наручных часов, тикающих в противофазе. Оба показывают 23:17.

Зеркало в туалете напротив кабинета разбито изнутри. Осколки лежат на полу, но на внутренней стороне одного из них обнаружена надпись, выцарапанная чем-то острым: «ДЕСЯТЬ».

Стеклов и Левин объявлены в федеральный розыск. Вре-

мя исчезновения — 14:05, но биллинг телефонов показал, что в 14:17 оба номера приняли SMS от абонента, записанного как «М.А.М.А.», с текстом: «Не засыпайте. Я уже иду.»

На записи голосов, идентифицированных как М. Стеклов и А. Левин, присутствуют паразитные шумы. При спектральном анализе на частоте ниже порога слышимости обнаружена речь. Фраза повторяется циклично: «Сорок восемь начнётся с минуты молчания. Приготовьте таблетки».

Глава 2.

Из материалов дела №47-К (продолжение). Следователь отдела по особо важным делам майор Е. Громова.

Рапорт

12 октября, 11:30. Мною, майором Громовой, был произведён повторный осмотр кабинета №4. В помещении сохраняется устойчивый запах формальдегида и жжёной карамели, источник которого не установлен. При вскрытии вентиляционной решётки обнаружен пластиковый контейнер, завёрнутый в фольгу. Внутри — портативный цифровой диктофон марки «Ritmix» с единственным аудиофайлом. Имя файла: «48.mp3». Дата создания: 12 октября, 02:17. Аппарат не принадлежит ни доктору Левину, ни пациенту Стеклову. Серийный номер отсутствует.

Прилагаю полную транскрипцию содержимого. Голоса на записи идентифицированы: женский голос принадлежит автору настоящего рапорта, майору Громовой Е. Второй голос — неустановленный, предположительно детский. Обстоятельства, при которых могла быть произведена данная запись, мне не известны. С 23:00 11 октября до 06:00 12 октября я находилась дома и спала. Соседи по лестничной клетке

посторонних звуков не слышали. Тем не менее, запись существует.

Прошу приобщить к делу и назначить фоноскопическую экспертизу.

Майор Громова Е.С.

Расшифровка аудиофайла «48.mp3»

(Качество записи низкое, присутствует широкополосный шум, напоминающий дыхание. Первые 37 секунд — тишина, затем — голос, идентичный голосу майора Громовой. Интонация нехарактерная для бодрствования: монотонная, замедленная, с длинными паузами между словами.)

Громова: ...Я слышу вас. Назовите себя.

(Тишина. На 42-й секунде — детский смех, искажённый реверберацией, словно записан в пустом помещении.)

Ребёнок: Ты знаешь, кто я. Ты видела меня сегодня во сне. Я сидел на подоконнике в твоей спальне и рисовал пальцем на стекле. Ты проснулась в три часа ночи и подошла к окну. На стекле было написано «СОРОК ВОСЕМЬ». Ты стёрла надпись ладонью, но забыла стереть с обратной стороны.

Громова: (после паузы) Я не помню этого. Что ты такое?

Ребёнок: Я — то, что остаётся, когда сеанс заканчивается на счёте «десять». Ты же прочитала протокол. Ты знаешь правила. Доктор Левин и Максим дошли до десяти и исчезли. Теперь их голоса живут в диктофоне. А их тела? Их тела до сих пор в кабинете, просто ты не умеешь смотреть правильно.

Громова: В кабинете никого не было. Кроме следов.

Ребёнок: (смеётся) Следы — это и есть тела. Сироп на ковре — это лимфа Максима. Мухи — его мысли, которые не успели вылететь. А надпись на блокноте костной тканью — это доктор Левин попытался написать тебе сообщение, пока его пальцы ещё слушались. Он выцарапал: «НЕ ВХОДИ В ЗЕРКАЛО». Но ты уже вошла. Когда ты красила губы перед выходом на работу, ты смотрела в зеркало в ванной тридцать семь секунд. На тридцать восьмой твоё отражение моргнуло. Не ты. Отражение. Ты заметила, но решила, что показалось. Не показалось.

(Слышен звук, похожий на царапанье ногтем по мембране микрофона. Голос Громовой становится тише, словно она отодвигается от источника записи.)

Громова: Зачем ты говоришь со мной?

Ребёнок: Потому что доктор Левин мёртв не до конца. Он застрял на цифре девять. Это плохая цифра — на ней начинается раздвоение. Он пытается выбраться через чужие сны. Через твой сон, в частности. Когда ты заснёшь сегодня, он попросит тебя досчитать до десяти за него. Ты не должна этого делать. Если ты скажешь «десять», петля замкнётся на тебе, и появится запись «сорок девять», где голос будет твой, но слова — его. Ты станешь пациентом без терапевта, навсегда.

Громова: Как его вернуть?

Ребёнок: Никак. Можно только обменять. Один человек — на одну цифру. Максим обменял себя на «восемь», сам того не зная. Доктор Левин пытался обменять себя на «девять», но испугался. Теперь он ищет того, кто согласится добровольно. Ты уже почти согласилась, когда нашла диктофон. Ты сейчас думаешь: «Я положу трубку и уничтожу запись». Не получится. Ты уже часть протокола.

(На заднем плане появляется ритмичный стук, напоминающий метроном. Частота — 47 ударов в минуту. Ребёнок начинает считать. Голос его меняется, становится ниже, по-

является эхо.)

Ребёнок: Один... Ты чувствуешь тяжесть в веках. Два... Твои руки — не твои. Три... Кресло, в котором ты сидишь, стоит в кабинете №4, а не у тебя дома. Ты ведь не дома, правда? Ты слушаешь эту запись, сидя за столом Левина. Ты пришла туда в обеденный перерыв, закрыла дверь на ключ и надела наушники. Зачем ты это сделала?

Громова: (шёпотом) Я... я не помню. Я хотела понять. В кабинете остался запах. Мне нужно было...

Ребёнок: Четыре. Ты хотела понять, что чувствовал Максим, когда проглотил таблетку. Ты нашла в ящике стола упаковку. Там оставалась одна капсула. Ты её приняла, Елена Сергеевна. Десять минут назад. Запила водой из графина. Ты не помнишь этого, потому что она уже начала действовать. Посмотри на свои руки: они в сиропе.

(Шум борьбы с тканью, приглушённый вскрик. Голос ребёнка продолжает считать, неумолимо.)

Ребёнок: Пять. Ты спускаешься по лестнице. Ступени — дёсны. Шесть. В зеркале напротив двери кто-то стоит. Это не ты.

(Звук разбиваемого стекла. Крик Громовой, записанный с двух источников одновременно — через микрофон диктофона и как будто с большого расстояния, с задержкой в полсекунды.)

Громова: (кричит) Я не хочу! Останови!

Ребёнок: Семь. Зеркало разбито, но осколки висят в воздухе. В каждом осколке — твоё лицо, и оно живёт отдельно. Восемь. Ты видишь доктора Левина. Он стоит за твоей спиной, отражается в сотне граней. Его нет в комнате, но он здесь. Он тянет к тебе руку. Девять.

(Громкая помеха, похожая на гудок автомобиля. Затем — тишина 12 секунд. Тихий, спокойный голос Громовой, идентичный тому, что был в начале, но безжизненный.)

Громова: Десять. Я принимаю обмен. Запись завершена.

(Конец файла.)

Заключение эксперта-фоноскописта (приложение к делу)

Аудиофайл «48.mp3» не содержит признаков монтажа или искусственной генерации голоса. Голос, идентифицированный как голос майора Громовой, совпадает с образца-

ми по всем акустическим параметрам, включая индивидуальные особенности артикуляции. Голос второго участника не поддаётся идентификации ввиду аномальных спектральных характеристик: он находится в диапазоне частот, соответствующих инфразвуку, и воспринимается человеческим ухом только при значительном усилении. Отмечу, что при прослушивании записи через динамики у трёх сотрудников лаборатории наблюдалась кратковременная дезориентация, головная боль и ощущение присутствия постороннего в помещении. Рекомендую дальнейшее изучение в условиях звукоизоляции.

Старший эксперт-криминалист Воронов А.Д.

Рапорт оперативного дежурного от 13 октября, 08:15

Сегодня в 07:40 в отдел поступил звонок от гражданки Светловой Д.И., медсестры Центра экспериментальной психотерапии. Она сообщила, что, придя на работу, обнаружила кабинет №4 открытым. Внутри находилась майор Громова, сидящая в кресле доктора Левина в бессознательном состоянии. При ней обнаружен диктофон с повторяющейся записью счёта от одного до десяти. На полу — свежие осколки зеркала, вмонтированного в дверцу шкафа. На тыльной стороне одного из осколков выцарапано: «СОРОК ДЕВЯТЬ. ИЩИТЕ МЕНЯ В ЗАПИСИ. Л.»

Майор Громова госпитализирована в неврологическое отделение. При поступлении она открыла глаза, произнесла «Не засыпайте. Я уже иду» и впала в кататонический ступор. В правой руке сжимает капсулу, идентичную той, что была изъята ранее из ящика стола. Попытки разжать пальцы не увенчались успехом: при прикосновении к капсуле на коже появляются следы, напоминающие ожоги от кислоты. Санитары слышат жужжание мух, хотя насекомых в палате нет.

Дежурный капитан Рябов И.В.

Личная записка майора Громовой, обнаруженная в кармане её пальто (написана от руки, почерк неровный, с нарастающим наклоном влево)

Я должна записать это, пока помню, кто я. Сегодня ночью мне снился доктор Левин. Он сидел в пустом зале, заполненном стульями. Стулья стояли рядами, как в кинотеатре, но экрана не было. Вместо экрана — огромное зеркало во всю стену, и в нём отражался я. Не он. Я. Моё лицо, моё тело, но я сидела в кресле пациента. Доктор Левин подошёл ко мне из глубины зала и сказал: «Сеанс сорок восемь — это была моя попытка спасти вас. Я занял цифру „девять“ вместо вас, Елена. Но теперь вы должны найти добровольца на „десять“. Иначе я застряну здесь навсегда. Вы — мой терапевт теперь.

Считайте». И я начала считать. Когда я дошла до десяти, зеркало треснуло, и оттуда вышла женщина в саване. У неё было лицо моей матери. Она сказала: «Сорок девять начнётся с тишины. Приготовь таблетки». Я проснулась с привкусом карамели во рту и поняла, что уже не сплю.

Капсула, которую я сжимаю — не из кабинета. Она выпала из моего рта, когда я закричала. Я не знаю, сколько их ещё внутри меня. Пожалуйста, не проигрывайте запись сорок восемь. Удалите её. Нет, поздно. Тот, кто читает это, уже прослушал. Вы слышали мой голос, а значит, теперь вы — часть протокола. Проверьте свои часы. Если они показывают 23:17, у вас есть час. Не засыпайте. И пожалуйста, не считайте до десяти.

Майор Громова Е.С.

Внутренняя служебная записка (не для регистрации)

Передайте капитану Рябову: часы у Громовой в палате остановились на 23:17. У медсестры Светловой, которая её нашла, тоже. И у меня. И у тебя, если ты это читаешь. Не звони мне больше. Я уничтожаю файл «48.mp3». И не смотри в зеркало заднего вида. Оно моргнуло первым.

Старший следователь по особо важным делам подполков-

ник Неверов А.А.

Глава 3.

Из материалов дела №47-К (продолжение). Следователь отдела по особо важным делам капитан И.В. Рябов.

Рапорт

14 октября, 06:40. Мною, капитаном Рябовым, был обнаружен служебный автомобиль подполковника Неверова А.А., припаркованный на подземном уровне здания отдела. Двигатель работал на холостом ходу, двери заблокированы изнутри. Подполковник Неверов находился на водительском сиденье в бессознательном состоянии. Глаза открыты, зрачки асимметричны (левый расширен, правый точечный), на губах — вязкая субстанция янтарного цвета с характерным запахом жжёной карамели. На коленях у подполковника лежал диктофон марки «Olympus», аналогичный тому, что был изъят из кабинета №4, но с другим серийным номером (отсутствует). На диктофоне — единственный аудиофайл «49.mp3», длительность 12 минут 08 секунд. Дата создания: 14 октября, 02:17.

При эвакуации пострадавшего из салона замечено, что зеркало заднего вида покрыто трещинами, расходящимися из центра по спирали. На обратной стороне зеркала наца-

рапано: «СОРОК ДЕВЯТЬ ЗАВЕРШЁН. ИЩИТЕ ПЯТЬДЕСЯТ В ТИШИНЕ». В бардачке обнаружена записка, написанная почерком Неверова, текст прилагается.

Подполковник Неверов госпитализирован в неврологическое отделение, где уже находятся майор Громова и (с 13 октября) медсестра Светлова, у которой после контакта с вещдоками проявились аналогичные симптомы. Состояние всех троих — кататонический ступор с эпизодическим синхронным произнесением счёта от одного до десяти.

Прилагаю расшифровку файла «49.mp3». Голоса идентифицированы: основной голос — подполковника Неверова. Второй голос — предположительно, майора Громовой (женский, монотонный, с искажениями). Третий голос — детский, с характеристиками инфразвука (см. экспертизу по файлу «48.mp3»). Обстоятельства, при которых Неверов произвёл запись, выясняются.

Капитан Рябов И.В.

Расшифровка аудиофайла «49.mp3»

(Запись начинается с шума двигателя и приглушённого уличного фона. На 0:12 — звук открываемой и закрываемой дверцы автомобиля. Тяжёлое дыхание Неверова. Щелчок —

он фиксирует телефон в держателе или кладёт диктофон на панель.)

Неверов: (бормочет) Я уничтожил файл. Я точно его удалил. И телефон форматировал. Как он снова здесь? «48.mp3»... Нет. Теперь тут «49.mp3». Откуда? Я не скачивал. Я ничего не записывал. Часы... часы на приборной панели показывают 23:17. Этого не может быть. Сейчас утро, я ехал на работу, было шесть утра. Почему темно за окнами? Где я?

(Пауза 5 секунд. Стук пальцев по рулю. Затем — тихий, искажённый женский голос, доносящийся из динамиков автомобиля, хотя радио выключено.)

Голос Громовой: Неверов. Ты слушаешь запись. Ты знаешь правила. Ты читал мою записку. Почему ты не остановился? Почему ты сел в машину и посмотрел в зеркало заднего вида? Ты же помнил мои слова: «Оно моргнуло первым». Ты посмотрел. И оно моргнуло.

Неверов: (голос сдавлен) Громова? Ты в больнице. Ты в ступоре. Ты не можешь говорить. Это какая-то херня. Я сплю. Это сон.

Голос Громовой: Ты не спишь, Алексей Алексеевич. Ты

принял таблетку. Вспомни. Когда ты выходил из отдела, ты зашёл в туалет и обнаружил в кармане капсулу. Ту самую, из кабинета №4. Ты думал, что изъял все, но одна осталась. Ты держал её в руке и хотел выбросить. Но ты не выбросил. Ты проглотил её, запив водой из-под крана. Ты подумал: «Я должен понять, что они чувствуют». Ты сделал это пятнадцать минут назад. Сейчас вещество входит в твою кровь. Посмотри на свои руки: видишь сироп?

(Шум ткани. Неверов трёт ладони о брюки.)

Неверов: Нет. Никакого сиропа. Руки чистые. Это ложь. Ты не Громова. Громова не знала бы, что я сделал.

Детский голос (из динамиков, с эхом): Мы все знаем, что ты сделал. Ты — часть протокола. С того момента, как прочитал расшифровку «сорок семь». А теперь ты сам станешь записью. Сеанс сорок девять начнётся с тишины. Приготовься считать.

Неверов: Я не буду считать! Я выключу запись. Я разобью диктофон!

(Звук удара. Неверов пытается разбить диктофон о приборную панель. Раздаётся треск, но запись продолжается. Фоновый шум меняется: шум двигателя исчезает, сменяясь

низкочастотным гулом, похожим на дыхание.)

Детский голос: Один. Ты чувствуешь тяжесть в веках. Не сопротивляйся.

Неверов: (сквозь зубы) Я сказал, не буду.

Детский голос: Твоё сопротивление ничего не изменит. Ты уже закрыл глаза. Прямо сейчас. И открыл их снова, но видишь не приборную панель, а стену кабинета №4. Ты сидишь в кресле пациента. Напротив — пустое кресло доктора Левина. На столике — графин с водой и пустой блистер из-под капсул. Ты помнишь, как это выглядит? Ты осматривал кабинет. Вспоминай.

(Голос Неверова звучит испуганно, утратив скепсис.)

Неверов: Я... я вижу. Это галлюцинация. Но я чувствую кресло. Оно кожаное, холодное. Пахнет формальдегидом и кардамоном. В углу — разбитое зеркало. Осколки на полу. Но в них что-то движется. Кто-то.

Голос Громовой: Это мы. Мы все, кто произнёс «десять». Максим, доктор Левин, я, Светлова. Мы застряли в осколках. Каждый раз, когда новый участник доходит до конца, добавляется ещё одно отражение. Теперь твоя очередь,

Алексей. Ты должен нас вытащить. Или занять место.

Неверов: Я не хочу занимать место. Как вас вытащить?

Детский голос: Никак. Можно только поменяться. Один живой — на одну душу из зеркала. Но для этого нужно отдать свою цифру. Левин хотел спасти Громову, но не смог. Громова хотела спасти тебя, но не успела. Ты можешь попробовать спасти их всех, но тогда тебе понадобится четыре цифры. А у тебя только одна жизнь.

(В записи появляется новый звук: капающая вода, медленно, ритмично, совпадая с пульсом. Неверов тяжело дышит.)

Неверов: Какая цифра у меня?

Детский голос: Девять. Ты находишься на цифре «девять» с тех пор, как сел в машину. Остался один шаг. Один счёт. Произнеси «десять», и ты войдёшь в зеркало. Или молчи вечно, и останешься здесь, в машине, без сознания, как растение. Выбирай.

Голос Громовой: (тихо, словно издалека) Не говори «десять». Мы думали, что это выход, но это ловушка. Здесь темно и холодно. Здесь только отражения наших страхов. Не пополний нас. Лучше разбей зеркало.

Детский голос: Разбить зеркало нельзя. Оно уже разбито. Тысячу раз. Каждый осколок — новая реальность. Ты сейчас в одной из них. Посмотри на свои часы: они всё ещё показывают 23:17?

Неверов: (после паузы) Да. Они остановились. Но секундная стрелка движется назад. Отсчитывает. 23:16... 23:15... Время уходит в обратную сторону.

Детский голос: Это потому, что ты ещё не завершил сеанс. Когда дойдёт до 00:00, ты исчезнешь из этой реальности и станешь просто записью. Файлом «49.mp3» на чьём-то столе. Торопись.

Неверов: (голос ломается) Я не понимаю, что делать. Я не хочу исчезать. Я не хочу в зеркало. Есть третий вариант?

(Вместо ответа звучит звук открываемой двери. Детский голос смеётся. Женский голос Громовой начинает считать шёпотом, быстро, с нарастающей скоростью: «один-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь...»)

Неверов: Перестань! Прекрати считать! Я сам! Я сам, чёрт возьми!

(Громко, с отчаянием, перебивая шёпот.)

Неверов: ДЕВЯТЬ! Я беру «девять» себе. Я остаюсь на «девять»! Я не пойду на «десять»!

(Резкая тишина. Ни дыхания, ни фона. Абсолютный ноль. Длится 7 секунд. Затем — голос Неверова, спокойный, почти умиротворённый.)

Неверов: Я... я всё ещё в машине. Часы показывают 23:17, но теперь они тикают нормально, вперёд. Я слышу двигатель. За окнами — рассвет. Кажется, получилось. Я не сказал «десять». Я остановился на «девять». Я разорвал петлю. Я возвращаюсь. Громова, ты слышишь меня? Я сейчас приеду в больницу. Я вытащу тебя. Я придумаю, как.

(Щелчок поворотника. Звук переключения передачи. Машина трогается. Неверов напевает что-то неразборчивое. Проходит минута. Затем — тихий детский шёпот, почти неразличимый под шум мотора.)

Детский голос: Ты думаешь, что победил. Но ты просто остался на «девять». А знаешь, что это значит? Это значит, что сеанс сорок девять не завершён. Он будет длиться, пока ты жив. Каждую ночь, в 23:17, ты будешь возвращаться в это кресло и слушать мой счёт. И однажды ты устанешь. И

скажешь «десять». Все говорят «десять».

(Запись обрывается. Конец файла.)

Записка подполковника Неверова А.А., обнаруженная в бардачке (написана от руки, нервным почерком, с заглавными буквами, переходящими в печатные)

Тому, кто найдёт эту машину. Меня зовут Алексей Неверов. Я прослушал запись «49.mp3» до того, как она появилась на диктофоне. Она звучала у меня в голове. Я думал, что смогу сопротивляться. Я не смог. Теперь я заперт на цифре «девять». Каждую ночь я буду садиться в эту машину и переживать одно и то же. Днём я буду притворяться нормальным, но в 23:17 мои глаза остекленеют, и я уйду в сеанс. Если вы читаете это, значит, я не справился.

В бардачке лежит диктофон с файлом «49.mp3». Не слушайте его. Не садитесь в эту машину. И главное — не смотрите в зеркало заднего вида. Я заклеил его скотчем, но скотч сорван. Кто-то сорвал его, пока я был в отключке. Кто-то хочет, чтобы вы посмотрели. Не делайте этого.

Если вы всё же послушали запись — проверьте свои часы. Если они показывают 23:17, у вас есть ровно час, чтобы найти добровольца на «десять». Или того, кто скажет «девять»

вместо вас. Я не знаю, работает ли это. Я попробовал — и застрял здесь. Может быть, у вас получится.

Под столом в кабинете №4 я спрятал коробку с капсулами. Там их ещё семь штук. Я должен был их уничтожить, но не смог. Они липкие на ощупь и пахнут кардамоном. Не прикасайтесь к ним. Они активируются от тепла кожи. Если вы взяли капсулу в руку, вы уже часть протокола.

Прощайте. Или до встречи на счёте «десять».

Подполковник Неверов А.А.

Внутренняя служебная записка (не для регистрации)

Рябов, если ты это читаешь — остановись. Я знаю, ты сейчас расшифровываешь файл «49.mp3» в наушниках. Ты сидишь в своём кабинете, на столе — мой диктофон, моя записка, и ты думаешь: «Со мной этого не случится, я же предупреждён». Так думал и я. И Громова. И Левин. И Максим.

Посмотри на свои руки. Ты только что прикасался к капсулам из коробки, чтобы пересчитать их для протокола. Их было семь. Теперь шесть. Одна прилипла к твоему пальцу и растворилась. Ты этого не заметил, потому что она прозрачная и невесомая. Но она уже в крови. Я знаю это, потому что

сейчас 23:17 по твоим наручным часам, и ты слышишь жужжание мухи у левого уха, хотя на дворе октябрь и мух нет. Это начинается.

Не повторяй моих ошибок. Не пытайся остановиться на «девять». Я думал, что хитрый. Но «девять» — это бесконечный бэд-трип без выхода. Лучше скажи «десять» сразу. Может быть, там, в зеркале, мы все встретимся и придумаем, как сломать петлю. Или не встретимся. Я не знаю. Я знаю только одно: когда ты закончишь читать это, диктофон сам включится и произнесёт: «Один». Не бойся. Это просто цифры. Они могут длиться вечно, но могут и закончиться.

Если захочешь передать эстафету — оставь файл «50.mp3» на видном месте. Кто-нибудь обязательно его прослушает. Люди любят слушать чужие кошмары. Особенно полицейские.

Удачи, капитан. И не смотри в зеркало заднего вида.

Неверов.

Дополнение капитана Рябова к рапорту, 15 октября, 02:18

Я прочитал записку. Я слушал файл. Я прикасался к капсулам. Мои часы показывают 23:17. В кабинете жужжит му-

ха. Я начинаю слышать шёпот — женский и детский — из вентиляции. Они считают. Они говорят, что сеанс пятьдесят начнётся с моего молчания. Я не знаю, сколько у меня времени, прежде чем я начну видеть кабинет №4 вместо стен своего отдела.

Я принял решение. Я не буду ждать. Я сам пойду в кабинет №4 и сяду в кресло пациента. Я запишу файл «50.mp3». Я задам Ей вопросы. Я выясню, кто Она — Женщина в саване, та, что трётся спиной о глазные яблоки. Я узнаю, чего Она хочет. И, возможно, я смогу договориться. Или хотя бы умру, понимая.

Тому, кто найдёт мой диктофон: файл «50.mp3» будет лежать в кресле пациента. Не стирайте его. Прослушайте. Но перед этим проверьте часы. Если они показывают не 23:17 — вам повезло. Удалите запись, сожгите капсулы, забудьте это дело. Если же стрелки застыли на 23:17 — добро пожаловать в сеанс. И помните: на счёте «девять» не останавливайтесь. Это хуже, чем «десять».

Капитан Рябов И.В., сеанс №50.

Глава 4.

Из материалов дела №47-К (продолжение). Следователь отдела по особо важным делам старший лейтенант К.Д. Волкова.

Рапорт

16 октября, 08:45. Мною, старшим лейтенантом Волковой К.Д., по поручению начальника отдела произведён осмотр кабинета №4 Центра экспериментальной психотерапии. Основание: исчезновение капитана Рябова И.В., который, согласно журналу учёта, проследовал в здание Центра 15 октября в 23:10 и не вышел обратно. При вскрытии кабинета №4 (дверь была заперта изнутри на ключ, ключ находился в замке) обнаружена следующая картина:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.